

О. Н. Титова

Российская политическая элита между прошлым и будущим

В статье рассматриваются проблемы ответственности правящей элиты, трансформация идеи ответственности элиты в истории философской и политологической мысли, формирование механизма ответственности политической элиты перед обществом.

Ключевые слова: ответственность, нравственность политической элиты, мораль в политике.

O. N. Titova

The Russian Political Elite between the Past and the Future

In the article are regarded problems of responsibility of the ruling elite, transformation of the idea of responsibility of the elite in the history of the philosophical and political thought, formation of the mechanism of responsibility of the political elite before society.

Keywords: responsibility, morality of the political elite, morals in policy.

Становление и развитие российской политической элиты как социально ответственного субъекта издавна являлось предметом исследования российских историков, юристов, философов, социологов, политологов XIX–XX вв. – В. О. Ключевского, Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева, И. А. Ильина, Т. И. Заславской, О. В. Гаман-Голутвиной, Н. Ю. Лапиной, А. И. Соловьева, А. В. Понделкова [1] и др. Временной диапазон охватывает изучение трансформации элит, начиная с древности до наших дней – эпохи модернизации и демократизации.

Россия за короткий период конца XX – начала XXI в. пережила политические и социальные конфликты, смысл и значение которых, по всей видимости, будут по-настоящему осознаны последующими поколениями. Потрясения последних десятилетий поставили перед российской политической властью масштабные и жизненно важные задачи, решение которых определит не только ближайшее, но и отдаленное будущее страны. Это, несомненно, повышает ответственность представителей правящей элиты перед нацией.

В традиционном обществе ответственность носила характер вассальных, церковных, семейных обязательств, которые распределялись неравномерно. Философы древности воспринимали обязательства власти с нравственных позиций: Конфуций был убежден, что правитель должен разделять с подданными всю тяжесть существующих проблем, в то же время подданные нака-

зывались за малейшие нарушения подданических обязательств [2, с. 118]. Традиции, религии осылали полную зависимость общества от власти, что исключало саму идею ответственности из общественного сознания.

В древнегреческой философии нравственная ответственность личности растворялась в воле богов и Рока, предопределявшего деяния богов и людей. Человек, полностью подчинявшийся внешним по отношению к нему установлениям, не определял и не мог определить меру своих социальных обязательств, неизбежно следовавшее наказание за нарушение божественного предопределения мистифицировало идею ответственности, ставило человека в зависимость от вселенских сил, игнорировавших его личностные начала.

Продолжая традицию античных философов, проповедники христианского учения утверждали изначальную греховность человека, абсолютизировали его обязательства перед Богом и обществом. Ранние христианские трактаты, отрицавшие всяческую власть, кроме власти бога, уступили место более поздним верованиям, в которых правитель воспринимается как наместник Бога, который правит миром, человек становится личностью перед лицом Бога. Преобладает принцип покорности Богу, властям, о чем говорится в послании апостола Павла к римлянам: «...существующие же власти от Бога и установлены», христиане признавали свои обязательства и перед церковью. Борьба папской и светской

власти в средневековой Европе была и борьбой за своих подданных. Представления о всемогущем Боге, идеи наказания за грехи, грозящего человечеству (первая и вторая эсхатология), лишали человека собственной воли и собственного выбора своих обязательств. Несмотря на признание некоторыми отцами церкви свободы воли человека (Августин Блаженный, британский монах Пелагий – III–IV вв.), в целом, церковь утверждала идею божественного предопределения и брала на себя роль посредника между человеком и Богом. Следовательно, до Нового времени ответственность носила в основном теолого-нравственный характер, принимала вид обязательств и транслировалась через божественное предопределение, власть церкви, зависимость человека от воли Бога, церкви и правителя. При этом обязательства, которые возлагались на человека, их уровень и санкции за нарушения определялись социально-экономическим неравенством, религией, нравственностью и традицией: бедные зависели от богатых, подданные – от власти, властные субъекты несли ответственность в иерархии власти перед любым вышестоящим субъектом, и все, в том числе – верховный правитель – перед самим Богом. Традиционный характер ответственности не давал оснований дифференцировать человеческие обязательства, которые, будучи заданными извне нормами, не являлись ответственностью в полном смысле слова.

По мере рационализации общественных отношений, начавшихся в Новое время с появлением нового класса – буржуазии, развития правовых норм, определяющих поведение личности и социальные отношения, массовое участие людей в политике и социальной жизни, развитие гражданских свобод – свободы воли и выбора, появляются возможности личностного осознания ответственности и социальной ответственности общества перед личностью.

В истории общества формировались механизмы ответственности элиты: традиционный (ответственность перед Богом и властью, близким окружением); рационально-легитимный (ответственность перед обществом – нравственно-правовая, обеспечиваемая выборами, конкурсным отбором, регулярным обновлением состава элитных групп), межличностный (взаимная ответственность субъектов элиты).

В модернизирующемся обществе важную роль играет подготовка кадров, понимание ответственности как ценности в сознании претенден-

тов на власть, их готовность ответственно принимать политические решения.

Потребность в ответственных властных субъектах реализуется в конкретных условиях сложившейся системы политических отношений, действующих правил политической игры. Социальная ответственность может стать составляющей этой системы, правилом взаимодействия как внутри, так и вне системы, политической нормой сложившегося политического механизма. Это возможно в случае соблюдения общественного договора между обществом и властью, согласно которому обе стороны берут на себя взаимные обязательства: общество – соблюдать закон и исполнять властные решения, элита – реализовывать интересы общества. Однако идеальная конструкция, заданная в Новое время умопозитивными представлениями о логике взаимодействия власти и населения в рационально организованном обществе, не учитывала действия множества неинституциональных, стихийных социальных, экономических, социокультурных факторов, оказывающих влияние на практику властного функционирования и социальную ответственность властной элиты. В обществах переходного типа взаимные обязательства общества и власти реализуются в условиях действия иррациональных, неформальных факторов, что, в свою очередь, является следствием незавершенности формирования политических институтов и нормативно-правовой системы, регулирующей внутренние и внешние взаимодействия политических элит.

Прагматизм российских политических процессов, существенное сужение поля действия нравственных принципов, полужакрытый характер российской элиты – ограничивают возможности социальной и нравственной ответственности элиты, а несовершенство правовой системы не позволяет довести до логического конца процесс формирования правовой ответственности лиц, находящихся у власти.

Идея ответственности в истории политической мысли связывается с идеей свободы. Эта связь обусловлена сознательным признанием человеком своей ответственности перед другими людьми и обществом в целом, пониманием того факта, что санкции за нарушение закона и принципов человеческого общежития неизбежны. За первое полагается правовое наказание, за второе – моральное осуждение общественностью. Плата за нарушение законов государственных и человеческих может быть тяжелой, человеку часто приходится отвечать собственной жизнью.

В силу значимости идеи ответственности для общего нравственного состояния общества со времен Просвещения обращалось внимание на подготовку человека к жизни, на многостороннее воспитание, гуманитарное образование. Чем сложнее общество, тем сильнее потребность в увеличении ответственного потенциала людей, их способности к социализации, устойчивых нравственных принципов.

Возможности формирования правовой, нравственной и социальной ответственности политической элиты обусловлены политическим режимом, уровнем социально-экономического развития общества, общей, правовой и политической культурой граждан, господствующей в обществе духовной, нравственной атмосферой, историческими традициями, внешними влияниями, степенью открытости элиты для пополнения ее новыми кадрами. Ответственность начинается с желания и умения элитных групп, политических управленцев брать на себя обязательства, выполнять решения, контролировать свои действия как внутри страны, так и на международной арене. Это создает определенный образ власти и государства, позволяет расширять внутренние и внешние экономические, культурные и другие связи, создает образ надежного партнера в бизнесе. В настоящее время позиции России на международной арене во многом зависят от выполнения ею обязательств в мировом сообществе, по транспортировке сырья, в области международного права, соблюдения двусторонних и многосторонних договоренностей и т. д., а также внутреннего бизнес-климата. Уровень ответственности российской политической элиты в настоящее время в значительной степени определяется и социальной структурой элиты (важно, чтобы в составе элиты были группы интересов, которые способны мыслить в категориях социального развития), и ее возрастным составом, политической культурой элиты и общества.

Перед политической элитой страны стоят серьезные тактические и стратегические задачи, и немаловажно, сможет ли она соответствовать своему предназначению, в должной ли мере она осознает стоящую перед ней ответственность.

Исторически сложилось так, что значение правящей элиты в глазах населения России всегда было выше, чем в западноевропейских странах. Российское общество опиралось на авторитет и силу власти, а наиболее просвещенные представители российского социума предъявляли

к главе государства и высокие нравственные требования.

Политическая элита в меру своего разумения была ориентирована на реализацию общественно значимых деяний. Российская государственность опиралась на государственных мужей, лучшие представители которых стремились к укреплению Государства Российского как могучей державы. Трагическое противоречие российской политической истории между укреплением силы и мощи государства и хронически низким уровнем его социальности, благосостояния основной массы населения, его правового обеспечения – было следствием отсутствия ответственности власти перед человеком и рождало нестабильность российского общества, было чревато многочисленными мятежами, бунтами, восстаниями и революциями, которые подавлялись «железной рукой» правящей элиты. В народном сознании рождался образ мудрого и справедливого правителя, отца нации («царя-батюшки»), прозападно настроенные верхи российского общества чаяли установление власти «просвещенного монарха» западного образца, ограниченного конституцией. В первом случае общество испытывало необходимость в личностных качествах правителя, во втором – речь уже могла идти о договорно-правовой ответственности. Насколько утопичны были эти идеи в России конца XIX – начала XX в., показала революция 1905 г., которую не смогла остановить царская власть, не пожелавшая поступиться самодержавностью.

Переход от традиционного общества, осуществляемый в процессе модернизации и демократизации, начал разрушать стереотипы поведения политической элиты, по-новому поставил вопрос об ответственности элиты: она начинает выступать ценностью российского общества и поведения элиты, так как безответственность последней имеет последствия, важные для жизнеспособности общества в целом. К власти пришли менеджеры, рационализм действий которых, граничащий с прагматичностью, создает новую систему управления. Основным принципом ее становится локализация властного пространства в виде выделения самостоятельных зон, что, с одной стороны, создает возможности эффективного управления, но с другой – ставит страну на грань распада социально-экономической и политической целостности, так как связи советской системы разрушены, а для появления новых необходимо время. О том, что проблема разрыва имеется, свидетельствует жизнь в географически отдален-

ных регионах – на Дальнем Востоке, на Камчатке, Сахалине, население которых начинает ориентироваться на близлежащие Китай и Японию. Передача большинства функций государства региональным органам власти, отказ властных структур от регулирования региональных процессов в конечном счете привели к появлению множества проблем: усилению территориального неравенства, созданию «сырьевых» зон относительно благополучного развития и «промышленных» зон. Сужается круг реально функционирующих субъектов политической активности в составе политического истеблишмента России, минимальна возможность политических партий разделять с политическим руководством страны ответственность за проводимые преобразования. Практически полностью исключаются из этого процесса представители общественных организаций. Эти процессы свидетельствуют о том, что у политической элиты нет потребности многосторонних взаимодействий с обществом, остается только нужда в электорате, что, несомненно, уменьшает возможности реализации ее общественных обязательств, «менеджеризм» способствует лишь «точечному» решению социально-экономических проблем в ущерб обеспечению устойчивого развития страны в целом.

Трансформация российской политической элиты, которая началась в конце 80-х – начале 90-х гг., закончилась становлением авторитарного режима, приостановившего хаотическое развитие страны. Особенностью российского политического истеблишмента является то, что правящие структуры на протяжении 90-х гг. пополнились за счет российского бизнеса, в целом далекого от национальных интересов. Последнее объясняется как минимум двумя обстоятельствами: во-первых, олигархическим характером политической власти, во-вторых, номенклатурным и криминальным прошлым ряда ее представителей. Вместе с тем централизация политической власти в руках президента сопровождалась вытеснением этих кругов из процесса принятия решений, российская политическая власть начинает претендовать на приобретение статуса социализированной, государство, которое возглавляет В. В. Путин, формально несет ответственность за свои действия перед законодательным органом власти. Можно констатировать, что в России усиливается рационализация власти.

Это не могло не сказаться на формировании духовного мира российского социума. Существенные издержки в проведении социокультурной

политики, развитии образования, сферы искусства закладывают проблемы духовного и интеллектуального развития страны в XXI в., ее будущего.

В России краткий период 90-х гг. XX в. – период окончательного низведения человека, говоря словами Сорокина, к полумеханическому полужизниологическому, простейшему существу [3, с. 727]. Духовные потери нации оказались столь велики, что стали причинами разрушения ее жизнеспособности.

Духовное начало не только обеспечивает политическую деятельность мотивами, идеями, но и включает в деятельность такие регуляторы, как нормы и ценности, содержание которых далеко не безразлично для перспектив существования человека и общества. В этом плане значительную роль играют консервативные ценностные ориентации в политической и культурной жизни нации, общенациональный смысл производимых преобразований. К традициям, веками освящавшим российскую политику, относится державное, то есть сильное, государство. Условием успешного движения к демократии в ее российском национальном варианте должна стать идея соединения государственного и демократического начал в политическом сознании нации. Основной духовности является нравственность. При определенных условиях возникает возможность пренебречь этой стороной духовного (идеального), воспринимаемой как не востребуемое в силу своей непрактичности. То, что духовное начало политической деятельности рано или поздно получает свое предметное воплощение в виде результатов политических решений не меняет существа дела: субъект, стремясь получить немедленный результат с минимальными затратами, эксплуатирует лишь рациональную часть духовности, основанную на знании и опыте. Однако и при рациональном подходе к власти и политике обнаруживается потребность в нравственных установках в деятельности элиты.

Проследившая связь морали и политики, российский исследователь Б. Г. Капустин отмечает, что мораль должна обнаруживаться в качестве *фактора* функционирования политических институтов, *работать* в политике. Это, на наш взгляд, важное замечание, так как позволяет определить значимость подхода к политике с нравственной точки зрения. Связь политики и морали обнаруживается также в постижении того, как политика устанавливает мораль в качестве регулятора поведения людей [4, с. 60], следует также иметь в виду не только мотивы поступков власт-

ной элиты, но и последствия этих поступков для общества.

Личная нравственность политика имеет значение только в том случае, если в его политической деятельности реализуется социально значимый результат. Политика становится моральной, когда власть элиты разделяется с активным и сознательным участием в политике масс, когда создаются возможности критического отношения к власти, наличия оппозиции господствующим порядкам [5, с. 63–64].

Еще одна сторона духовности, связанная с чувством прекрасного, верой, надеждой, прекраснотворением, благородством, умением сопереживать и т. д., воспринимается как помеха человеку рациональному.

Нарушение баланса духовных и материальных начал в человеческой деятельности вызывает диспропорции в самой деятельности, приводит к ее ущербности, односторонности.

Таким образом, торжество «человека рационального» грозит привести постепенно к упразднению духовного начала в жизнедеятельности общества.

Традиционны для сознания россиян духовные искания, мессианские представления о духовной роли России в мировом сообществе. Осознавая архаичный характер этих ценностей, все же отметим, что эта особенность российского общественного сознания ставила ее в особое положение в мировом сообществе, вызывала чувство уважения к высоким моральным требованиям, провозглашенным российской философией и литературой, позволяла русскому народу выживать в тяжелейших исторических обстоятельствах. Серьезнейшим ударом для россиян явилось именно посягательство на духовность, составляющую основу российского бытия. Особая ответственность здесь лежит на политической власти России, которая, по сути, освободила себя от нравственных обязательств перед своим народом и страной, чему способствует бюрократизированность и коррумпированность управляющих структур.

Настоятельной потребностью времени является формирование новой политической элиты, изначально сформированной как социально ответственная, нравственная и профессионально подготовленная часть общества, независимая от олигархического влияния. Наиболее важная и сложная проблема – становление механизма обеспечения ответственности элиты, в котором важное место смогло бы занять ее обновление

молодыми мобильными кадрами, создание ресурса политической элиты за счет молодых людей, получивших не только специальное, но и широкое гуманитарное образование, воспитанных в лучших традициях нравственности и осознающих свою ответственность перед обществом.

Динамика российской политической элиты – процесс, в котором происходит ее институционализация, определение ценностно-нормативного и нравственного потенциала. Он отличается противоречивостью и конфликтностью, отражая сложные явления российской трансформации, в которых становление элиты как социального ответственного субъекта – процесс, объективно необходимый, однако в настоящее время еще не принимаемый ею как прямое руководство к действию.

Примечания

1. См.: Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. М., 1915; Ильин И. А. Теория государства и права. М., 2008; Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций в трех книгах. М., 1993; Новгородцев П. Государство и право // Вопросы философии и психологии. Кн. 5. М., 1904; Чичерин Б. Н. Курс государственной науки в трех томах. М., 1894, 1896, 1898; Чичерин Б. Н. История политических учений в пяти томах. М., 1877; Гаман-Голутвина О. А. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М., 1998; Гаман-Голутвина О. А. Проблема субъекта модернизации в России: историко-концептуальные аспекты и современное состояние // Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство. М., 2007; Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М., 2003; Лапина Н. Ю. Формирование современной российской политической элиты: проблемы переходного периода. М., 1995; Понделков А. В. Политическая элита: генезис и проблема ее становления в России. Ростов н/Д, 1995; Соловьев А. И. Культура власти российской элиты: искушение конституционализмом // Полис. – 1999. – № 2.

2. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской мысли (формирование основ мировоззрения и менталитета). М., 1989.

3. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М., С. 727.

4. Капустин Б. Г. О связи морали и политики // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. М., 2004.

5. Там же.